

Д. С. Мережковский

**Полное собрание
сочинений**

Том 19-20

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Полное собрание сочинений: Том 19-20 / Д. С. Мережковский – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 528 с.

ISBN 978-5-517-98353-4

ISBN 978-5-517-98353-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Любовь сильнѣе смерти.

Флорентійскіе граждане стараго рода Альмери съ незапамятныхъ временъ принадлежали къ двумъ благороднымъ цехамъ: одни чтили покровителя мясниковъ, св. Антонія, другіе имѣли на своемъ знамени изображеніе овцы и занимались шерстянымъ промысломъ. Подобно предкамъ, къ этимъ цехамъ принадлежали братья Джіованни и Маттео Альмери. Джіованни торговалъ мясомъ на Старомъ Рынкѣ — Mercato Vecchio. У Маттео были шерстобойныя мельницы внизъ по теченію Арно. Покупатели охотно заходили въ мясную лавку Джіованни не только потому, что здѣсь можно было найти свѣжіе окорока, нѣжныхъ молочныхъ телятъ и жирныхъ гусей, но и потому, что хозяина любили за веселый нравъ и за острый языкъ. Никто не умѣлъ перекинуться такою мѣткою шуткой со случайнымъ прохожимъ, сосѣдомъ или покупателемъ, какъ мясникъ Альмери, никто не говорилъ съ такою свободою о всѣхъ дѣлахъ подлиннаго міра—дипломатическихъ ошибкахъ флорентинской республики, намѣреніяхъ турецкаго султана, проискахъ французскаго короля и о неожиданной, повидимому безпричинной, беременности сосѣдки-вдовы, которая въ послѣднее время слишкомъ часто повадилась ѣздить въ монастырь къ достойнымъ братьямъ чертозіанцамъ. Впрочемъ, рѣдко кто обижался на шутки мясника, и онъ приводилъ въ свое оправданіе старинную пословицу: «Шуткой добрый сосѣдъ не порочится, а языкъ на шуткѣ какъ бритва точится».

Не таковъ былъ братъ Маттео, шерстобой. Человѣкъ себѣ на умѣ, ласковый, всегда немного угрюмый и молчаливый, вель онъ дѣла свои лучше, чѣмъ безпечный и добродушный Джіованни, и каждый годъ два корабля Маттео, нагруженные шерстяными товарами, отправлялись изъ Ливорнской гавани въ Константинополь. Замыслы имѣлъ онъ высокіе и честолюбивые, смотрѣлъ на торговлю, какъ на путь къ должностямъ государственнымъ, всю жизнь льнулъ къ аристократамъ, «жирному народу» — *popolo grasso*, какъ ихъ называли во Флоренціи, и питалъ надежду возвысить родъ Альмьери, быть-можетъ, предать имя его крыламъ безсмертной молвы. Часто убѣждалъ Маттео младшаго брата бросить мясную торговлю, какъ недостаточно для нихъ почетную, и присоединить свои деньги къ его, Маттео, собственному обороту. Но Джіованни не соглашался, и хотя уважалъ и цѣнилъ «тихоню» брата за умъ — втайнѣ побаивался его и если не говорилъ, то думалъ: «мягко стелеть, жестко спать».

Однажды, въ жаркій день, воротившись изъ лавки усталый, плотно по своему обыкновенію поужинавъ и напившись холоднаго греческаго вина, Джіованни почувствовалъ себя дурно, слегъ, и съ нимъ сдѣлался ударъ, который былъ тѣмъ опаснѣе, что мясникъ имѣлъ тучное тѣлосложеніе и короткую шею. Въ ту же ночь онъ отдалъ душу Богу, не успѣвъ приобщиться св. Тайнъ и составить духовное завѣщаніе. Вдова, монна Урсула, женщина скромная, добродѣтельная, но недалекаго ума, довѣрила торговыя дѣла мужа брату Маттео, умѣвшему ее обойти вкрадчивыми и тихими рѣчами. Онъ убѣдилъ простодушную женщину въ томъ, что покойный, благодаря легкомыслію, оставилъ свои счетныя книги въ беспорядкѣ, умеръ наканунѣ разоренія, и что необходимо, если она желаетъ спасти остатки имущества, прекратить торговлю и закрыть мясную лавку на *Mercato Vecchio*. Злые языки утверждали, будто бы этотъ «продувной тихоня» Маттео безбожно обманулъ вдову, чтобы, согласно своему давнему желанію, отвести всю воду изъ торговаго оборота Джіованни на колеса шерстобойныхъ мельницъ.

Какъ бы то ни было, но съ этого времени дѣла Маттео сильно пошли въ гору, и онъ сталъ отправлять ежегодно изъ Ливорно въ Константинополь уже не два, а цѣлыхъ пять или шесть кораблей, нагруженныхъ превосходною тосканскою шерстью. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему обѣщали выгодное и почетное мѣсто знаменосца Льяного Цеха — именитаго флорентинскаго Arte di Lana. Вдовѣ брата великодушно выдавалъ онъ небольшое ежемѣсячное вспомошествованіе, такъ что моннѣ Урсулѣ приходилось жить, во многомъ себѣ отказывая и терпя лишенія, тѣмъ болѣе, что на рукахъ ея осталось единственное и нѣжно-любимое дитя, молодая дочь, по имени Джиневра, а въ тѣ времена во Флоренціи такихъ жениховъ, которые не зарились бы на приданое, было столь же мало, какъ и теперь. Но благочестивая монна Урсула на падала духомъ, усердно молилась всѣмъ святымъ Божьимъ угодникамъ, въ особенности же св. Антонію, неустанному и горячему заступнику мясниковъ, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей, питала надежду, что Господь, защитникъ вдовъ и сиротъ, пошлетъ ея дочери-безприданницѣ добраго и достойнаго мужа, и имѣла тѣмъ больше права рассчитывать на это, что Джиневра отличалась рѣдкою красотою.

Трудно было повѣрить, чтобы у этого толстаго и неуклюжаго балагура Джіованни могла родиться дочь, одаренная такою нѣжною прелестью.

Джиневра всегда одѣвалась въ простыя и темныя ткани; но сквозь вырѣзъ на груди ея виднѣлась въ мелкихъ сборкахъ рубашка тонкаго «ренскаго» полотна, и вокругъ ея прелестной шеи, немного худощавой и длинной, какъ у всѣхъ флорентинскихъ дѣвушекъ, обвивалась жемчужная нить, на которой висѣла древняя камя изъ хризолита съ изображеніемъ кентавра. Свѣтлыя блѣдно-золотистыя волосы были покрыты кнсеей, опускавшеяся до середины лба, такую прозрачною, что можно было сквозь нее различить красивую прическу, состоявшую изъ множества тонко и тщательно заплетенныхъ косичекъ, сложенныхъ кругообразно или узорами, подобными то листьямъ винограда, то листь-

ямъ папоротника. Блѣдное и кроткое лицо Джиневры было похоже на лицо той Мадонны, написанной Филиппо Липпи для флорентинской Бадіи, Непорочной Дѣвы, которая является въ пустынѣ св. Бернарду и нѣжными, блѣдными, какъ воскъ церковныхъ свѣчей, длинными пальцами перевертываетъ листы его книги. Въ дѣтскихъ губахъ, въ спокойномъ печальномъ взорѣ, въ высоко поднятыхъ, едва очерченныхъ бровяхъ Джиневры было выраженіе той же непроницаемой для зла, безконечной невинности. И хотя отъ нея вѣяло утреннимъ холодомъ и свѣжестью монастырской лиліи, вся она казалась непрочною, недолговѣчною, слишкомъ тонкою и хрупкою, какъ бы несозданной для жизни. Когда по улицамъ Флоренціи дочь мясника Альмьери шла въ церковь, скромная, тихая, съ опущенными глазами, съ молитвенникомъ въ рукахъ, — веселые юноши, спѣшившіе на пиръ или охоту, останавливали коней, лица дѣлались важными, шутки и смѣхъ умолкали, и почтительными взорами долго провожали они прекрасную Джиневру.

Дядя Маттео, слыша похвалы добродѣтелямъ племянницы, вознамѣрился выдать ее замужъ за человѣка не первой молодости, но всѣми уважаемаго, имѣвшаго связи съ тогдашними правителями города — Альбицы, одного изъ секретарей флорентинской республики, мессэра Франческо дельи Аголанти. Это былъ великій знатокъ латинскаго языка, излагавшій канцелярскія донесенія и бумаги торжественнымъ слогомъ Тита Ливія и Саллюстія, — нрава нѣсколько суроваго и нелюдимаго, но зато безукоризненно честнаго, напоминавшій древняго римлянина; у него и лицо было похоже на лицо сенатора временъ республики и одѣваться онъ умѣлъ въ длинное, со многими складками, платье флорентинскихъ чиновниковъ изъ темно-краснаго сукна, какъ въ настоящую римскую тогу. Онъ такъ страстно любилъ древнюю письменность, что когда въ Тосканѣ распространилась мода на греческій языкъ и въ *studio* — тогдашнемъ университетѣ — стали объяснять грамматику пріѣзжій изъ Константинополя ученый византиецъ Эммануиль Хризолорась, то мессэръ Аголанти не постыдился, несмотря на

свой почтенный возраст, уже будучи секретаремъ флорентинской республики, сѣсть рядомъ съ мальчиками на школьную скамью и начать съ азбуки изученіе греческаго языка, въ которомъ достигъ немалыхъ знаній, такъ что читалъ въ подлинникѣ и Органонъ Аристотеля, и діалоги Платона. Словомъ, лучшей и болѣе выгодной родни не могъ себѣ представить хитрый шерстобой съ честолюбивыми замыслами. Маттео обѣщаль дать за своей племянницей хорошее приданое подъ условіемъ, чтобы мессэръ Аголанти соединилъ свое имя и гербъ съ именемъ и гербомъ Альмьери.

Наперекоръ, однако, всѣмъ этимъ многочисленнымъ и явнымъ достоинствамъ жениха своего, Джиневра долго противилась намѣреніямъ дяди, и свадьбу откладывали съ года на годъ. Когда же Маттео потребовалъ скорого и рѣшительнаго отвѣта, она объявила, что есть у нея другой женихъ, болѣе любезный сердцу, и, къ немалому изумленію, даже испугу благочестивой монны Урсулы, назвала ей имя мессэра Антоніо дэ Рондинелли. Это былъ молодой и довольно бѣдный ваятель, державшій «боттегу» свою, или мастерскую, съ немногими учениками въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ, недалеко отъ Ponte Vecchio. Антоніо познакомился съ Джиневрой въ домѣ ея собственной матери: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ попросилъ ея позволенія вылѣпить изъ воска голову молодой дѣвушки, желая воспользоваться красотою Джиневры, знаменитою среди флорентинскихъ ваятелей и художниковъ, для рѣзной иконы св. великомученицы Варвары, которая была ему заказана богатымъ монастыремъ въ окрестностяхъ города. Монна Урсула не могла отказать ваятелю въ столь благочестивомъ дѣлѣ, и во время работы художникъ полюбилъ свой прекрасный образецъ, какъ нѣкогда Пигмалионъ Галатею. Затѣмъ встрѣчались они на городскихъ праздникахъ и зимнихъ посидѣлкахъ, куда хозяйка всегда были рады пригласить Джиневру, ибо она могла служить украшеніемъ всякаго праздника.

Когда монна Урсула, робко и вѣжливо извиняясь, попробовала сообщить дядѣ Маттео, что у Джиневры есть другой женихъ, любезный ея сердцу, и назвала мессэра

Антоніо дэ Рондинелли, шерстобой, хотя втайнѣ сильно разгнѣвался, принялъ смиренный и ласковый видъ и, обращаясь къ моннѣ Урсулѣ, такъ повелѣ свою рѣчь тихимъ голосомъ:

— Мадонна, если бы собственными ушами не слышала я того, что вы мнѣ только что изволили сказать, — никогда не повѣрилъ бы я, чтобы такая добродѣтельная и благоразумная женщина обратила какое-либо вниманіе на легкомысленную прихоть неопытнаго ребенка. Не знаю, какъ теперь, но въ мое время молодая дѣвушка и заикнуться не смѣли о выборѣ жениха, покорствуя во всемъ волѣ отца или попечителя. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, кто такой этотъ мессэръ Антоніо, котораго племянница моя почтила своимъ выборомъ? Неужели вамъ неизвѣстно, что скульпторами, живописцами, поэтами, актерами и уличными пѣвцами дѣлаются люди, которымъ ничего лучшаго не остается, и которые не умѣютъ заняться никакимъ, болѣе почетнымъ и выгоднымъ, промысломъ. Это народъ самый лекомысленный и ненадежный, какой только можно встрѣтить на бѣломъ свѣтѣ: пьяницы, распутники, лѣнтяи, безбожники, сквернословы, расточители своего собственного и чужого имущества. Что же касается мессэра Антоніо, конечно, вы должны были слышать о немъ то, что всѣ во Флоренціи говорятъ, и что мнѣ извѣстно не менѣе, чѣмъ кому-либо другому, а потому только напомню вамъ объ одномъ обычаѣ этого юноши — о круглой корзинѣ, которая виситъ у него въ мастерской на шнуркѣ, перекинутомъ черезъ блокъ, такъ что одинъ конецъ веревки привязанъ къ корзинѣ, другой къ желѣзному гвоздю, вбитому въ стѣну. Въ эту корзину Антоніо бросаетъ, не считая, всѣ деньги, какія заработаетъ. И каждый, кто пожелаетъ, будь то ученикъ, или знакомый, можетъ притти, опустить корзину на блокъ, не спрашивая хозяина, взять столько, сколько нужно — мѣдныхъ, серебряныхъ или золотыхъ монетъ. Не думаете ли вы, мадонна, что я довѣрю мои деньги, приданое, обѣщанное вашей дочери, такому безумцу? Но это еще не все: извѣстно ли вамъ что мессэръ Антоніо питаетъ въ мысляхъ своихъ гнус-

ное, посѣянное дьяволомъ, безбожіе эпикурейской философіи, не ходить въ церковь, смѣется надъ святыми таинствами и не вѣрять въ Бога? Добрые люди рассказываютъ, что онъ болѣе поклоняется мраморнымъ обломкамъ мерзостныхъ языческихъ идоловъ, соблазнительныхъ боговъ и богинь, которыхъ нынче стали откапывать изъ-подъ земли, нежели благодатнымъ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ святыхъ Божьихъ угодниковъ. Также слышалъ я отъ другихъ людей, достойныхъ не меньшаго довѣрія, что въ своей боттегѣ по ночамъ вмѣстѣ съ учениками разсѣкаетъ онъ человѣческіе трупы, купленные за немалую цѣну у больничныхъ сторожей, для того, чтобы, какъ онъ говоритъ, изучать анатомію, строеніе человѣческаго тѣла, нервы и мускулы, и такимъ образомъ усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, а на самомъ дѣлѣ для того, полагаю, чтобы угодить помощнику и совѣтнику своему, исконному врагу нашего спасенія, дьяволу, который наставляетъ его въ искусствѣ черной магіи. Ибо ужъ, конечно, не какими-либо иными средствами, а только чарами, колдовствомъ и бѣсовскимъ наважденіемъ, овладѣлъ этотъ еретикъ сердцемъ вашей невинной дочери.

Такими и подобными рѣчами дядя Маттео устрасилъ монну Урсулу и убѣдилъ ее во всемъ, въ чемъ ему было угодно. Когда мать объявила Джиневрѣ, что дядя, въ случаѣ рѣшительнаго отказа ея выйти замужъ за мессэра Франческо дельи Аголанти, отниметъ у нихъ ежемѣсячное содержаніе, и такимъ образомъ ей, моннѣ Урсулѣ, на старости лѣтъ грозить нищета, — молодая дѣвушка, полная несказаннаго горя, покорилась своей участи и выразила согласіе исполнить волю дяди.

Въ этотъ годъ Флоренцію постигло великое бѣдствіе, предсказанное многими астрологами на томъ основаніи, что въ небесномъ знакѣ Скорпіона Сатурнъ чрезмѣрно приблизился къ Марсу. Нѣкоторые купцы, пріѣхавшіе съ Востока, въ большихъ тюкахъ драгоцѣнныхъ индѣйскихъ ковровъ привезли чумную заразу. Устроено было торжественное церковное шествіе по улицамъ съ пѣніемъ

жалобныхъ *miserere*, съ чудотворнымъ образомъ Богоматери Импрунеты, предносимой клиромъ архіепископу. Стали издавать законы, воспрещавшіе свалку нечистотъ въ городской чертѣ, зараженіе водъ Арно разлагающимися отбросами кажевенныхъ заводовъ и скотобоенъ, принимать мѣру для отдѣленія больныхъ отъ здоровыхъ. Подъ страхомъ денежной пени, тюремнаго заключенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и смертной казни, запрещено было оставлять въ домахъ — умершихъ въ теченіе дня — до заката, — въ теченіе ночи — до восхода солнечнаго, хотя бы родственники утверждали, что смерть произошла не отъ чумы, а отъ какой-либо другой болѣзни. Городъ обходили дозоромъ съособе надсмотрщики, имѣвшіе право во всякое время дня и ночи стучаться въ двери, спрашивать нѣтъ ли больныхъ или мертвыхъ, производить обыски. Всюду появлялись просмоленные страшныя дроги, въ дыму факеловъ, въ сопровожденіи молчаливыхъ людей въ маскахъ и черныхъ одеждахъ, пропитанныхъ дегтемъ, съ длинными крюками, которыми они издалека, чтобы не заразиться, хватали чумныя трупы, подымали и сваливали на дроги. Ходили слухи, что эти люди, которыхъ народъ называлъ «черными дьяволами», забирали не только мертвыхъ, но и умирающихъ, для того, чтобы лишній разъ не возвращаться на то же мѣсто. Зараза, начавшаяся въ концѣ лѣта, продолжалась до поздней осени, и зимніе холода, наступившіе въ тотъ годъ очень рано, не прекратили ее. Вотъ почему тѣ изъ достаточныхъ людей, которые не связаны были важными дѣлами, спѣшили покинуть Флоренцію, удаляясь въ загородныя виллы, гдѣ воздухъ былъ чище и здоровѣе.

Дядя Маттео, боясь всевозможныхъ случайностей и не рассчитывая на долгую покорность племянницы, торопилъ свадьбу подъ тѣмъ предлогомъ, что моннѣ Урсулѣ съ дочерью слѣдуетъ поскорѣе уѣхать изъ города, а мессэръ Франческо дельи Аголанти предлагаетъ увезти Джиневру вмѣстѣ съ ея матерью, взявъ отпускъ тотчасъ же послѣ свадьбы, въ свою прелестную, загородную виллу на склонахъ Монте Альбано.

Такъ желалъ мессэръ Маттео, такъ и было рѣшено. Свадьбу назначили черезъ нѣсколько дней, и скромно, безъ всякой пышности, какъ прилично было въ столь печальные дни, совершили обрядъ. Подъ вѣнцомъ Джиневра стояла блѣдная, какъ полотно, и лицо ея выражало страшное спокойствіе. Но дядя надѣялся, что эти дѣвичьи прихоти какъ рукой сниметъ послѣ свадьбы, и что мессэръ Франческо сумѣетъ заслужить любовь молодой жены. Надеждамъ его не суждено было оправдаться: когда новобрачная, выйдя изъ церкви, вступила въ домъ своего мужа, съ нею сдѣлалось дурно, и она упала замертво. Сначала думали, что Джиневра въ глубокомъ обморокѣ, стали приводить ее въ чувство, но глаза не открывались, дыханіе ослабѣвало, кожа на лицѣ и на всемъ тѣлѣ покрылась смертельною блѣдностью, члены похолодѣли, и когда, нѣсколько часовъ спустя, позвали докторовъ (въ то время ихъ звали неохотно, опасаясь, чтобы не распространился слухъ, что въ домѣ зараза), они приложили зеркало къ бездыханнымъ губамъ Джиневры и на немъ не могли замѣтить влажнаго слѣда отъ дыханія, то всѣ, пораженные невыразимою скорбью и состраданіемъ, убѣдились въ томъ, что это — не мнимая, а настоящая смерть. Сосѣди говорили, что Богъ наказываетъ Альмери за то, что они сыграли свадьбу въ такое непозволительное время, и что молодая жена мессэра Франческо, только что вернувшись изъ церкви послѣ вѣнчанія, заболѣла чумою и умерла. Слухи эти могли распространяться тѣмъ легче, что родственники дѣвушки, опасаясь посѣщенія «черныхъ дьяволовъ», до послѣдней минуты скрывали отъ всѣхъ обморокъ и смерть Джиневры. Но къ вечеру пришли надсмотрщики, которымъ сосѣди не преминули донести обо всемъ, что происходило въ домѣ Альмери и стали требовать, чтобы родственники выдали тѣло Джиневры или немедленно его похоронили: когда же, послѣ долгихъ переговоровъ, имъ дали хорошую взятку, они согласились, чтобы тѣло усопшей оставалось въ домѣ мессэра Франческо никакъ не долѣе, чѣмъ до вечера слѣдующаго дня.

Впрочемъ, въ смерти Джиневры никто изъ родныхъ уже не сомнѣвался, кромѣ ея старой няни, на которую не обращали вниманія, полагая, что она выжила изъ ума и заговаривается. Старуха съ жалобными причитаніями молила не хоронить умершей, увѣряя, что доктора ошибаются, что Джиневра не умерла, а спитъ, и утверждала, что прикладывая руку къ сердцу своей голубки, она «чуется, какъ оно бьется слабо-слабо,—слабѣе, чѣмъ крыло ночной бабочки».

Прошелъ день, и такъ какъ молодая дѣвушка не подавала признаковъ жизни, ее одѣли въ саванъ, положили въ гробъ и отнесли въ соборную церковь Санта Репарата. Склепъ, сухой и просторный, выложенный гладкими тосканскими кирпичами, находился въ углубленіи между двумя дверями церкви, на одномъ изъ такъ называемыхъ кладбищенскихъ дворишковъ (avello), подъ тѣнью высокихъ кипарисовъ, среди усыпальницъ благородныхъ семействъ Флоренціи. За эту могилу, по мнѣнію нѣкоторыхъ, слишкомъ роскошную для дочери мясника, Маттео Альмьери заплатилъ большія деньги, взятыя, впрочемъ, изъ приданого самой Джиневры. Отпѣваніе совершили торжественно. Восковыхъ свѣчей не жалѣли, и нищимъ раздано было на поминовеніе души усопшей по мѣрѣ ячменной крупы и масла оливковаго каждому на полъ-сольди. Несмотря на холодъ и страхъ чумы, много народу собралось на похороны; нѣкоторые, даже незнакомые, слыша горестный рассказъ о смерти новобрачной не могли удержаться отъ слезъ и повторяли нѣжный стихъ Петrarки:

Morte bella pareo nel suo bel viso.

Смерть казалась прекрасной на ея прекрасномъ лицѣ.

Мессэръ Франческо произнесъ надъ гробомъ рѣчь, съ цитатами не только латинскими, но и греческими изъ Платона и Гомера, что было тогда новостью, и многимъ слушателямъ, даже не понимавшимъ по-гречески, нравилось.

Смятеніе произошло только въ концѣ похоронъ, когда гробъ вынесли изъ собора и поставили въ склепъ для по-